

Советские историки и литературоведы увидели в Повести о новгородском белом клобуке не „раскольничью сказку“ (так определял ее Карамзин), не просто русский вариант известной средневековой западноевропейской фальшивки — Псевдоконстантиновой грамоты,¹ а прежде всего произведение, отразившее в себе ряд проблем, связанных с образованием на грани XV и XVI веков централизованного Русского государства.

Акад. А. С. Орлов считал, например, что Повесть о белом клобуке „выражала идею церковной независимости России от греческой метрополии“.²

Н. К. Гудзий, сравнивая Повесть с повестями о Вавилоне и со Сказанием о князьях Владимирских, считает, что она „исходила из тех же тенденциозных предпосылок“.³ Все это дало основание А. С. Орлову, Н. К. Гудзю, а вслед за ними и другим советским исследователям, датировать Повесть о белом клобуке концом XV или началом XVI века.

Литература и публицистика конца XV—начала XVI века — времени образования единого Русского государства, особенно литература областных феодальных центров, — привлекает в последнее время пристальное внимание советских историков и литературоведов. Советские ученые ищут и находят общерусские, центростремительные тенденции в памятниках литературы Тверского княжества, Новгорода, Пскова, что было отражением дум и чаяний широких народных масс, социальных низов упомянутых феодальных „полугосударств“, противостоящих старой феодальной знати. Если последняя всячески, любой ценой, вплоть до сговора с иноземными феодалами, старалась задержать и дезорганизовать процесс объединения Руси, то основная масса населения как названных, так и других русских княжеств с надеждой смотрела на великого князя московского, видела в нем представителя „порядка в беспорядке“, ждала от него, чтобы „был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война“.⁴ Наиболее ярким примером подобной внутривосточной ситуации является Новгород второй половины XV века.

Один из старейших русских городов, крупнейший торговый и культурный центр средневековой Европы, Новгород являл собой в это время картину упадка и заката своей былой славы. Классовая борьба, бушевавшая в Новгороде, до предела обострила социальный антагонизм, дезорганизовала всю внутреннюю жизнь города. По свидетельству летописи, „в то время не бе в Новгороде правде и правого суда и возсташа ябедницы, изнарядиша четы и обеты и целования на неправду и начаша грабити по селом и по волостем и по городу... и бе по волости изъезжа велика и боры частые, кричь и рыдания и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш“.⁵

¹ Таковой считали ее почти все дореволюционные ученые, начиная с Н. И. Петрова (О судьбе вена Константина Великого в русской церкви. Труды Киевской духовной академии, 1865, декабрь, стр. 471—491) и кончая А. Д. Седельниковым (Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. Доклады Академии Наук СССР, № 1, 1929, стр. 16—19).

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 172.

³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 2-е, М., 1941, стр. 266.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 443, 445.

⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 124.